

О прагматических аспектах употребления относительных прилагательных (на материале газетных текстов)*

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. К. Маркса, 31
Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Для цитирования: Норман Б. Ю. (2021). О прагматических аспектах употребления относительных прилагательных (на материале газетных текстов). *Медиалингвистика*, 8 (4), 379–390. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.405>

Статья посвящена рассмотрению актуального вопроса о прагматике употребления относительных прилагательных в медиадискурсе. Относительные прилагательные представляют особую проблему для русской лексикографии. Их лексическое значение зависит от производящей основы существительного (ср. *лесной* от *лес*, *кирпичный* — от *кирпич*, *пламенный* — от *пламя*), но далеко не всегда совпадает с таковой. Рассматриваются два вопроса, иллюстрируемые примерами из газет и журналов на русском языке. Первый вопрос связан с поведением относительных прилагательных в синтаксической структуре высказывания. Словам этой части речи соответствуют многообразные преобразования (реорганизации) фразы во внутренней речи. Примерами могут послужить выражения типа *проходной балл*, *онегинская строфа*, *чеховское ружье*, *вертолетные деньги* и т. п. Мобильность, динамичность этого грамматического класса слов удобна для журналиста. Анализ позволяет утверждать, что в процессах синтаксической трансформации участвуют механизмы метафоры и метонимии. Второй вопрос — это приобретение относительными прилагательными дополнительных прагматических оттенков значения, обусловленных идеологическими установками говорящего. Эти определения приобретают оценочную семантику, что может использоваться в том числе для манипуляции читателем. С помощью этих прилагательных формируется положительный или отрицательный образ того или иного понятия. Многие такие выражения возникли в советскую эпоху (*пламенный борец*, *порочная практика*, *гнилая буржуазия*), но круг их продолжает расширяться и сегодня (*вегетарианский период*, *санкционные меры*, *силовые министерства*). Комбинаторика относительных прилагательных, так же как их прагматические коннотации, требует отражения в лексикографических изданиях.

Ключевые слова: относительное прилагательное, метафора, метонимия, прагматика, коннотация.

Постановка проблемы

Относительные прилагательные (далее — ОП), согласно стандартному определению, обозначают признак предмета через его отношение к другому предмету. Обычно с относительными прилагательными связываются две теоретические про-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

блемы, это: а) степень детализации (конкретизации) их значения и б) разграничение относительных и качественных прилагательных (при возможности перехода первых во вторые). В литературе описаны и систематизированы также основные семантические модели ОП, в частности основанные на признаках «материал» (*бумажная салфетка*), «место» (*лесные ягоды*), «время» (*вечерняя прогулка*), «отвлеченное понятие» (*научный труд*), «действие» (*стиральный порошок*), «число» (*тройная плата*) и т. д. [Виноградов, Истрина, Бархударов 1952: 300].

Впрочем, в комбинациях с различными существительными одно и то же прилагательное способно выражать разные значения. Так, определение *кирпичный* в сочетании *кирпичная стена* понимается как «из кирпича», в сочетании *кирпичный завод* — как «для производства кирпича», в *кирпичная пыль* — как «от кирпичей», в *кирпичный цвет* — как «напоминающий кирпич» и т. д. Можно, конечно, придавать ОП в словаре максимально широкое толкование — как ‘имеющий отношение к N’, где N — производящее существительное [Норман 1993: 99–101]. Однако такой уровень обобщения, с одной стороны, неэкономичен, а с другой — содержит мало информации для пользователя. Поэтому словари стремятся по возможности конкретизировать значение ОП, например:

Корабельный — 1. к Корабль (1 зн.)... 2. Такой, как на корабле, свойственный кораблю.

Палубный — к Палуба (1 зн.)... Связанный с работой, перевозом и т. п. на палубе... Имеющий палубу [Кузнецов 1998].

Но чаще лексикографы используют просто отсылку к производящей лексеме, подтверждая тем самым регулярность словообразовательных отношений, например, так:

Буквенный — см. Буква.

Грушевый — см. Груша.

Оркестровый — см. Оркестр.

Панельный — см. Панель.

Сенокосный — см. Сенокос [Кузнецов 1998].

Еще чаще ОП вообще не «удостаиваются» отдельных статей, а приводятся в конце толкования соответствующих существительных без какого-либо комментария, что говорит о безусловном тождестве лексического значения производящей и производной лексем. Скажем, в [Кузнецов 1998] так даются прилагательные *десертный*, *дуэльный*, *канатный*, *лагунный*, *пижамный*, *резервный*, *сканерный*, *таможенный*, *фанерный*, *форточный* и мн. др.

Если же в образовании прилагательных от имен существительных участвуют префиксы, то они, естественно, вносят свою лепту в семантику ОП (ср.: *безграничный*, *заграничный*, *пограничный*, *приграничный* и т. п. [Шведова 1970: 215–218]), и такие прилагательные даются в словарях в виде самостоятельных вокабул.

Значит ли это, что вопрос о семантике ОП может считаться решенным и не заслуживающим дальнейшего обсуждения? По-видимому, нет.

История вопроса

Описание семантической специфики ОП упирается в особенности их лексической и синтаксической комбинаторики. В сравнении с иными способами выражения атрибутивных отношений (ср.: *стальное лезвие — лезвие из стали, столичный концерт — концерт в столице, вечерняя прогулка — прогулка вечером, концертная программа — программа концерта* и т. п.) ОП «обрезают» возможности синтагматического развертывания признаковой составляющей (что имеет место при субстантивных атрибутах, ср.: *лезвие из закаленной стали, концерт в столице России, прогулка поздним вечером, программа праздничного концерта* и т. п.).

Н. Ю. Шведова в своей книге, основанной на материале газетных текстов, отмечала, что падежная или предложно-падежная форма в роли атрибута выражает соответствующее значение более дифференцированно. В словосочетаниях же с прилагательным «общее значение отношения не осложнено никакими добавочными оттенками, обязательно привносимыми предложно-падежной формой, ср.: *пражский самолет — самолет на Прагу; московский день — день в Москве; зимнее жилье — жилье на зиму; сельский пропагандист — пропагандист на селе; сезонная одежда — одежда к сезону; юношеский чемпионат — чемпионат среди юношей* и т. д.» [Шведова 1966: 28].

Однако полностью согласиться с Н. Ю. Шведовой нельзя. Дело в том, что относительно прилагательному очень трудно удержаться в рамках «общего значения отношения». На фоне иных способов выражения атрибутивной семантики у адъектива формируются свои парадигматические связи и соответствующим образом модифицируется его значение.

Так, словосочетание *лесные ягоды* может сигнализировать не только место произрастания ягод, но и их «естественный», некультивированный характер; кроме того, «по умолчанию» подразумевается их съедобность и полезность и т. п. Неслучайно сочетание «Лесные ягоды» используется и как торговая марка (название серии морсов для детей): определение призвано дополнительно привлечь покупателя.

Точно так же и в некоторых приводимых Н. Ю. Шведовой примерах — *зимнее жилье, сельский пропагандист* — можно усмотреть наличие у определения дополнительных, не предусмотренных производящей основой оттенков: зимнее жилье должно быть теплым или утепленным, а за выражением *сельский пропагандист* может скрываться особое — уважительное или пренебрежительное — отношение к человеку.

В недавней работе [Еремин, Петрова 2019: 9–10] показано, как, скажем, у прилагательного *юношеский*, кроме прямого значения «относящийся к юноше», развиваются метонимические и метафорические значения «предназначенный для юноши», «похожий на юношеский» и т. п. Это совершенно естественный процесс, в ходе которого могут происходить и аксиологические приращения.

Хотя грамматики и учебники используют обычно одни и те же образцы перехода относительных прилагательных в качественные (типа *железный, золотой, идейный* и т. п.), на деле возможности такого семантического сдвига чрезвычайно широки. И вполне современно звучит вывод, сделанный в середине прошлого века: «Во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок ка-

чественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [Виноградов 1947: 205]. Именно в этом потенциале и заключаются перспективы использования ОП в современных текстах с прагматическими целями.

Развитие у ОП переносных значений можно связать и с фразеологизацией словосочетаний. Иными словами, ОП начинает обозначать признак не предмета, а целой ситуации. Так, выражение *проходной балл* означает ‘оценка, которой достаточно для поступления («прохода») куда-нибудь»; *солнечный день* — ‘день, когда солнце светит с утра до вечера’; *комендантский час* — “устанавливаемая комендантом или иными городскими властями часть суток, в течение которой человек не имеет права находиться на улице”; *онегинская строфа* — “стихотворный размер, который использовал Пушкин в романе «Евгений Онегин»»; *речной вокзал* — “вокзал для пассажиров, путешествующих на судах по реке”; *чеховское ружье* — ‘чеховская мысль: если на сцене висит ружье, то по законам драматургии оно должно в последнем акте выстрелить’ и т. п. Целый ряд устойчивых словосочетаний с ОП уже не требуют расшифровки, а воспринимаются целиком, обозначая единое понятие: *домашняя птица*, *карманный словарь*, *телефонное право*, *постановочная фотография*, *цифровое телевидение* и т. д.

Если исходить из признания предикативной природы внутренней речи (идея, принадлежащая Л. С. Выготскому [Выготский 1982: 341–344]), то вопрос о появлении ОП в поверхностной структуре («внешней речи») — это вопрос о количестве и характере семантико-синтаксических преобразований, произошедших в сознании носителя языка. Естественно, сегодня мы можем реконструировать их только с определенной степенью вероятности, опираясь на аналоги, зафиксированные в современной речевой практике. Так, разговорное выражение *сарафанное радио* означает ‘слухи, распространяемые в домашней обстановке или среди соседей, знакомых’. Оно могло возникнуть в результате освоения примерно такой мыслительной цепочки: «радио — это известия»; «непроверенные известия — это слухи»; «слухи распространяются женщинами»; «женщина — это сарафан (метафора)» или «признак женщины — сарафан» (метонимия). И нынче это выражение употребляется уже вне связи с сарафаном как видом одежды и даже безотносительно к полу распространителей слухов:

Кастингов не устраивали, но сарафанное радио сделало свое дело — за два месяца к нам пришло 150 девушек! (Комсомольская правда. 30.09–06.10.2010)

Подобные примеры семасиологи подводят под категорию метафор, но очевидно, что в основе их лежат обширные синтаксические преобразования. Следовательно, более справедливо говорить здесь о сочетании процессов метафоры и метонимии. Эти преобразования происходят в сознании говорящего, затем становятся массовыми — принимаются обществом и, возможно, кодифицируются, а их метафорический или метонимический характер стирается.

Тем самым ОП используется носителем языка как инструмент для «упаковки» сложной мысли. Этот тезис в свое время высказывал еще Г. Пауль, называя определение «деградировавшим сказуемым» [Пауль 1960: 165]. Имелось в виду, что признак, достойный сам быть предикатом, «сворачивается» до прилагательного и уступает место иному предикату, ср.: *Эти ягоды — лесные* → *Лесные ягоды содержат витамины*. А Е. Курилович показывал на примере прилагательных различие

между первичной и вторичной синтаксической функцией: «Атрибутивная детерминация (через определение) является только языковой транспозицией психического процесса, заключающегося в выделении качеств объектов (реальных или воображаемых)» [Курилович 1962: 69].

Таким образом, в основе наблюдаемых метафорических и метонимических переносов лежит глубинная природная связь между предметом и его качествами. И отношение к прилагательному как к части речи, которая играет в синтаксической структуре высказывания третьеразрядную роль (не входя в круг предикатов и актантов), не совсем справедливо. Прилагательное — оператор в механизмах речемыслительной деятельности, позволяющий оптимизировать структуру фразы [Норман 2013: 195–199].

Во всяком случае, относительные прилагательные, в силу их семантической «всеядности» и широкой возможности образования от имен существительных, оказываются для говорящего важным «строительным» средством: они, с легкостью видоизменяя свое значение и передвигаясь по синтаксическим позициям будущего высказывания, способствуют к тому же его компактности.

Описание методики исследования

Далее мы сосредоточим внимание на употреблении ОП в медийном дискурсе. Современные тексты, в том числе газетные, фиксируют большое разнообразие словосочетаний с участием ОП. Наш материал, выбранный из центральных российских изданий («Аргументы и Факты», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд» и др.) за последние три десятилетия, составил более 300 примеров. Вот только некоторые из них: *зарплатные проблемы, расстрельный список, бюджетный телефон, кредитная история, палочная оценка, претензионная работа, страновые показатели* (показатели по странам), *красотные марафоны* (марафоны красоты), *сугробовая ситуация, огневые риски, вахтенная кулинария, разумные зерна, скандальный глянец, подковерное противостояние, мешочные гонки* (гонки (бег) в мешках) и т. п., ср. также: [Илюхина 2007; Илюхина 2009].

Некоторые из словосочетаний даже трудно понять вне соответствующего контекста, например:

Спецслужбам было поручено собрать оперативным путем имевшийся на тот момент компромат на наиболее «проитрафившихся», то есть откровенно рвущихся в кресло Президента политических деятелей. Компромат включал в себя опубликованные в печати «неосторожные высказывания» этих лиц, свидетельствующие об их «кресельных» намерениях (Аргументы и Факты. 1994. № 12).

Будущий русский самодержец Александр II, в бытность великим князем увлекавшийся юной Викторией, представлен тут этаким солдафоном из скабрёзного анекдота — впрочем, подобная балалаечная клюква — тоже неотъемлемая часть фирменного стиля английских исторических сериалов (Коммерсантъ-Weekend. 30.09.2016).

*В настоящее время министерство двора всерьёз работает над вариантами корректировок, которые могут быть внесены в императорский регламент в связи с отсутствием мальчика **на престольном горизонте**. Согласно нынешним жестким правилам, трон наследуется только по мужской линии и только членами императорской фамилии... (Известия. 04.02.1995)*

А пакет спасения в 2 трлн долл. получил название «вертолетные деньги»: правительство не помогает корпорациям, а раздает доллары гражданам — как бы сбрасывая деньги с вертолета (Аргументы и Факты. 2021. № 2).

Мы видим, что авторы газетных материалов считают необходимым пойти на встречу читателю и снабдить употребленное ОП развернутой мотивировкой, благодаря которой читатель понимает: *кресельные намерения* — это ‘намерения занять кресло президента’; *балалаечная клюква* — это ‘расхожие небылицы («клюква») в лубочном («балалаечном») стиле’; *престольный горизонт* — это ‘перспектива («горизонт») наследования престола’; *вертолетные деньги* — это ‘деньги, как бы сбрасываемые с вертолета’ и т. д. Журналист, по-видимому, ощущает, что он «перегнул» с метафорикой. А для исследователя это важное проявление эмпатии, попытку говорящего взглянуть на порождаемый текст глазами адресата.

Анализ материала

Для газетного дискурса чрезвычайно важным оказывается прагматический аспект ОП. Можно согласиться с тем, что здесь «все средства функциональной семантики (т. е. собственные значения языковых единиц) отражают слияние с прагматикой (т. е. с условиями их реализации в процессе «адресант — адресат»)» [Соловьев 2013: 185]. Это значит, что многие прилагательные становятся знаковыми для определенных политических или идеологических ситуаций. Самое заметное проявление такого сдвига — нарастание оценочного компонента в семантике этих слов, их поляризация по оси «наш — не наш». Процесс этот в русском языке начался давно, а в советские времена утвердился за счет слов вроде *безграничный, беззаветный, беспримерный, бессмертный, верный, всемерный, генеральный, знатный, идейный, истинный, исторический, легендарный, либеральный, народный, партийный, пламенный, сказочный, передовой, эпохальный* и др. Перед нами эпитеты со знаком «плюс», но появлялись и определения со знаком «минус»: *безыдейный, буржуазный, вчерашний, гнилой, небезызвестный, низкопробный, порочный* и т. п. [Земцов 1985; Мокиенко, Никитина 1998; Сарнов 2005]. Естественно, все эти прилагательные тут же образовывали устойчивые словосочетания: *генеральная линия, народный депутат, порочная практика, гнилая буржуазия* и др.

Вот как об этом писал главный редактор журнала «Новый мир» С. П. Залыгин:

Истинный смысл слов в значительной мере утрачен нашим обществом благодаря социальной системе, в которой пребывало несколько поколений советских людей. <...>

На первом плане оказались не существительные, а прилагательные к ним: экономика у нас социалистическая, труд — ударный, народы — советские, государственные деятели — выдающиеся и великие и т. д., и т. д. А когда пришло время экономики как таковой, самоопределению народов как таковых, собственности как таковой, оказалось, что мы не знаем, что это такое. И рассуждаем о том, какой должна быть наша экономика, не имея ее в руках, говорим о качестве предмета, не видя и не обладая этим предметом.

Вся наша мыслительная деятельность, таким образом, искажена, переключена с существа дела, с существительных на прилагательные (С. Залыгин. Из записок минувшего года // Комсомольская правда. 11.01.1991).

Таким образом, имена прилагательные пополняют собой инвентарь языковых средств с идеологической нагрузкой. О. С. Иссерс замечает: «Слова *реальный, настоящий, истинный, существенный* могут быть понятны и рассмотрены только через призму социокультурных образцов, которые данная культура признает таковыми» [Иссерс 2009: 96]. Точнее сказать, сами эти слова нейтральны (ср. словосочетания вроде *реальные доходы, истинные цели* и т. п.), но, попадая в идеологически заряженный контекст СМИ, они пропитываются соответствующей оценкой. В этом плане можно говорить и о манипулятивном, выгодном автору, использовании прилагательного, ср.:

После того как Россия по известным причинам установила с Грузией визовый режим, а затем ввела транспортную блокаду и торгово-экономические санкции, членство Тбилиси в СНГ стало достаточно эфемерным (Московские новости. 10–16.11.2006).

По сути, здесь *известный* — это ‘тот, о котором мы не хотели бы говорить’, своего рода эвфемизм.

Ряд прагматически окрашенных («идеологизированных») прилагательных постоянно пополняется новыми словами. Сегодня в него входят, в частности, *бюджетный, вирусный, знаковый, кислотный, правильный, проблемный, провластный, протестный, резонансный, статусный, токсичный, элитный* и др. Приведем некоторые примеры из газетно-журнальных текстов:

Информационная преступность — сегодня уже устойчивый сегмент российской теневой жизни (Известия. 04.07.1995). *Теневой* — ‘незаконный, криминальный’.

После артобстрела Кремля 2 ноября антибольшевистский комитет в Москве капитулировал. Его лидеры остались на свободе. Это был еще относительно вегетарианский период (Огонек. 2007. № 45). Речь идет о событиях 1917 г., и вегетарианский значит ‘бескровный’.

Вот какие штрихи нарисовались к портрету тетки: «С туннельным сознанием: есть только мой мирок, дети, муж и котлеты»; «Дородная такая, с начесом»; Обрюзгшая, с клунками, потерявшая интерес к жизни» (Комсомольская правда. 11.10.2012). *Туннельный* здесь — ‘ограниченный, беспросветный’.

Достаточно посмотреть на обилие и масштаб принадлежащих генералам особняков на статусных направлениях из Москвы (Аргументы и Факты. 2020. № 20). *Статусный* — ‘главный, важнейший, представительный’.

Почему на общество непрерывно опрокидываются санкции и почему в последнее время Россию все чаще стали называть «токсичной»? Не в том ли дело, что в стране снизилось качество человеческого капитала вообще и, как следствие, качество элиты в частности? (Аргументы и Факты. 2020. № 38). *Токсичный* — ‘опасный, чреватый, вредоносный’.

Примеры такого рода характерны для современного русскоязычного медиадискурса в целом, хотя некоторые издания, такие как «Аргументы и Факты» или «Комсомольская правда», испытывают к ним особую склонность.

Результаты исследования

Конечно, заложенную в ОП универсальную склонность к «окачествлению» значения можно считать первой и важнейшей предпосылкой их прагматического использования. Однако в XXI в., в эпоху продолжающихся или даже нарастающих общественных протестов, эта тенденция, по нашим наблюдениям, обретает новую силу. За расхождениями между исходным (этимологическим и словообразовательным) и реальным (контекстуальным) значением обнаруживаются особые «сверхзадачи», дополнительные иллокутивные интенции. Такое насыщение языковых единиц прагматическими смыслами, по-видимому, соотносится с общими тенденциями, определяющими развитие русского языка в последнее время: к неологизации, экспрессивизации и демократизации, причем под последней понимается расшатывание и смягчение нормы [Мокиенко 1998: 38].

Мы уже упоминали, что ОП могут использоваться в социально ангажированных контекстах с суггестивными, более того — манипулятивными, целями. Это значит: говорящий с помощью определения пытается навязать читателю (через механизм взаимодействия сем) определенную точку зрения: смягчить или, наоборот, усилить реальную картину.

Рассмотрим несколько примеров.

1. У слова *ритуальный*, кроме его основного значения, производного от существительного *ритуал*, появилось в последние десятилетия особое значение ‘похоронный’. Пример:

В него войдут три основных корпуса: административно-лабораторный (примерно на 20 лабораторий), морфологический (в составе 6 моргов) и ритуальный (с процессуальными залами для различных религий) (Вечерняя Москва. 10.01.2002).

Происходит не просто сужение семантики, а целенаправленная ее модификация: перед нами эвфемизм, обусловленный желанием смягчить горечь человеческой потери. В сочетании со словами *магазин, зал, автобус, фотография, услуги* определение *ритуальный* имеет именно такое — «скорбное» — значение. К ритуалу, скажем, свадьбы или новоселья ритуальные услуги никакого отношения не имеют.

2. Эвфемистическая подоплека просматривается и в употреблении прилагательного *бюджетный* в значении ‘дешевый’:

Благодаря географической близости наших стран существует большое количество способов добраться в Украину. Один из самых бюджетных вариантов — автобус (Аргументы и Факты. 2018. № 27).

Прямая номинация *дешевый* может «оскорбить» читателя, а *бюджетный* выглядит солиднее и нейтральнее.

3. У относительного прилагательного *признавательный* в последние годы появилось новое значение, производное от юридического термина *признание* (в преступлении). Пример из газеты:

Под предлогом пресечения «террористической» деятельности вашего родственника могут: просто пристрелить и утилизировать в порядке, определяемом правительством РФ; сначала пытать, получить «признавательные» показания, а затем уничтожить любым способом (Известия. 10.11.2002).

Возможно, одним из мотивов появления данного неосемантизма служит «смягчительный» ответ, который призвано бросать на него хорошо известное слово *признательный* в значении 'благодарный'. Носитель языка может такого влияния не осознавать, но в подсознании эта омонимия срабатывает. Мы и в других случаях употребления ОП (*юношеский, палочный, теневой...*) могли наблюдать, как отдельные значения лексемы взаимодействуют между собой, хотя говорящий и слушающий прямо этого не замечают.

4. В 1972 году по заказу Римского клуба (аналитического центра, объявившего своей целью привлечение внимания к различным международным проблемам) на свет появился **резонансный доклад** «Пределы роста» (Аргументы и Факты. 2020. № 20).

Упомянутый доклад, рисовавший демографическую и экономическую перспективу для человечества на ближайшие 40 лет (в условиях постепенно истощающихся природных ресурсов), сыграл для своего времени существенную роль. Сегодня это скорее уже факт истории. Но эпитет *резонансный*, более сильный, чем *известный, нашумевший* и другие, призван реанимировать эту роль в глазах читателя.

5. *Учет белья у нас достаточно строгий. Однако не исключается человеческий фактор. Проводнику всегда дается стопка белья с запасом. Поэтому, в случае если пассажир обнаружил белье с дырой, проводник это отметит в своем журнале и бесплатно выдаст другой комплект* (Аргументы и Факты. 2019. № 37).

Словосочетание *человеческий фактор* употребляется в ситуации негативной, дискомфортной (это авария, просчет, брак в работе и т.п.). У этой ситуации есть виновник. Но говорящий пытается вербально сгладить вину конкретного человека, представить неприятное или катастрофическое событие как следствие объективного стечения обстоятельств (среди которых человек — только один из «факторов»).

Подобный прагматический — социально ангажированный — аспект можно обнаружить и в семантике прилагательных, входящих в словосочетания вроде *силовые структуры, административный ресурс, режимный объект, материнский капитал, санкционные меры* и т. п.

Выводы

Представленный материал говорит о том, что употребление относительных прилагательных в современной русской речи представляет научный интерес по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, относительные прилагательные играют роль динамичных структурных единиц в речевой деятельности носителя языка. Сохраняя базовые словообразовательные отношения с производящей основой существительного, они в процессе порождения текста легко перемещаются в синтаксической структуре высказывания. При этом в их семантике происходят метафорические и метонимические приращения.

Во-вторых, поскольку эти семантические сдвиги находятся в связи с категорией наивной аксиологии, относительные прилагательные занимают свое место в инвентаре агитационно-пропагандистских языковых средств. Тексты массмедиа демонстрируют множество случаев, когда прилагательное принимает участие в формировании положительного или отрицательного образа человека или явления.

Литература

- Виноградов, В. В. (1947). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Учпедгиз.
- Виноградов, В. В., Истрина, Е. С., Бархударов, С. Г. (Ред.). (1952). *Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Выготский, Л. С. (1982). *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии*. Москва: Педагогика.
- Еремин, А. Н., Петрова, О. О. (2019). *Адъективная метонимия в современном русском языке: Теоретические основания и модели реализации*. Москва: Флинта.
- Земцов, И. (1985). *Советский политический язык*. Лондон: ОРІ.
- Илюхина, Н. А. (2007). Связь процессов деривации, языкового моделирования абстракций с пропозициональными структурами. *Язык. Текст. Дискурс*, 5, 47–53.
- Илюхина, Н. А. (2009). Аномальные словоупотребления как следствие метонимических переносов: проблема квалификации. *Проблемы речевой коммуникации*, 9, 12–19.
- Иссерс, О. С. (2009). *Речевое воздействие*. Москва: Флинта; Наука.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Курилович, Е. (1962). *Очерки по лингвистике*. Москва: Изд-во иностр. литературы.
- Мокиенко, В. М. (1998). Доминанты языковой смуты постсоветского периода. *Русистика*, 1–2, 37–56.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (1998). *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург: Фолио-пресс.
- Норман, Б. Ю. (1993). Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных). В *Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев* (с. 98–109). София: ЕТ Бойко Качармазов.
- Норман, Б. Ю. (2013). *Когнитивный синтаксис русского языка*. Москва: Флинта; Наука.
- Пауль, Г. (1960). *Принципы истории языка*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры.
- Сарнов, Б. (2005). *Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма*. Москва: Эксмо.
- Соловьев, Г. М. (2013). Закономерности оценочной интерпретации факта в медиатексте. *Медиалингвистика*, 2: *Речевая коммуникация в средствах массовой информации*, 183–185.
- Шведова, Н. Ю. (1966). *Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание)*. Москва: Просвещение.
- Шведова, Н. Ю. (Ред.). (1970). *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука.

Статья поступила в редакцию 7 мая 2021 г.;
рекомендована в печать 26 августа 2021 г.

Контактная информация:

Норман Борис Юстинович — д-р филол. наук, проф.; boris.norman@gmail.com

On the pragmatic aspects of the use of relative adjectives (based on newspaper texts)*

B. Iu. Norman

Belarusian State University,
31, ul. Karla Marksa, Minsk, 220030, Belarus
Ural Federal University,
51, pr. Lenina, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation

For citation: Norman B. Iu. (2021). On the pragmatic aspects of the use of relative adjectives (based on newspaper texts). *Media Linguistics*, 8 (4), 379–390. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.405> (In Russian)

* The research was supported by Act 211 of the Government of the Russian Federation, contract no. 02.A03.21.0006.

The article is devoted to studying the pragmatics of using relative adjectives in media discourse. Relative adjectives pose a serious problem for Russian lexicography. Their lexical meaning depends on the generating stem of the noun (cf. *лесной* from *лес*, *кирпичный* — from *кирпич*, *пламенный* — from *пламя*), but it does not always coincide. The article examines two questions, illustrated with examples from newspapers and magazines in Russian. The first question is related to the behavior of relative adjectives in the syntactic structure of an utterance. These words are actively involved in various transformations (reorganizations) of the phrase in inner speech. Examples are expressions such as *проходной балл* (passing score), *онегинская строфа* (Onegin stanza), *чеховское ружье* (Chekhov's gun), *вертолетные деньги* (helicopter money), etc. The mobility, dynamism of this grammatical class of words represents a significant benefit (bonus) for the journalist. It is shown that the mechanisms of metaphor and metonymy are involved in the processes of syntactic transformation. The second question is the acquisition by relative adjectives of additional pragmatic shades of meaning due to the ideological attitudes (principles) of the speaker. These definitions acquire evaluative (axiological) semantics, which can be used, among other things, for the purpose of manipulating the reader. With the help of these adjectives, a positive or negative image of a concept is formed. Many such expressions originated in the Soviet era (*пламенный борец*, *порочная практика*, *гнилая буржуазия*), but their range continues to expand today (*вегетарианский период*, *санкционные меры*, *материнский капитал*, *силовые министерства*). The combination of relative adjectives, as well as their pragmatic connotations, require reflection in lexicographical publications.

Keywords: relative adjective, metaphor, metonymy, pragmatics, connotation.

References

- Eremin, A. N., Petrova, O. O. (2019). *Adjective metonymy in modern Russian: Theoretical foundations and models of implementation*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Iliukhina, N. A. (2007). Connection of derivation processes, language modeling of abstractions with propositional structures. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, 5, 47–53. (In Russian)
- Iliukhina, N. A. (2009). Anomalous word usage as a consequence of metonymic transfers: the problem of qualification. *Problemy rechevoi kommunikatsii*, 9, 12–19. (In Russian)
- Issers, O. S. (2009). *Speech impact*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Great Dictionary of Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Kurilovich, E. (1962). *Essays on linguistics*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ. (In Russian)
- Mokienko, V. M. (1998). Dominants of the linguistic turmoil of the post-Soviet period. *Rusistika*, 1–2, 37–56. (In Russian)
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Explanatory dictionary of the language of the Soviets*. St. Petersburg: Folio-press Publ. (In Russian)
- Norman, B. Iu. (1993). Between vocabulary and syntax (to the semantics of relative adjectives). In *Sbornik ot nauchni trudove, posveten na sedemdesetgodishnina na profesor Miroslav Ianakiev* (pp. 98–109). Sofia: ET Boiko Kacharmazov Publ. (In Russian)
- Norman, B. Iu. (2013). *Cognitive syntax of the Russian language*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Paul, G. (1960). *Principles of the history of language*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ. (In Russian)
- Sarnov, B. (2005). *Our Soviet Newspeak. Small encyclopedia of real socialism*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
- Solov'ev, G. M. (2013). Regularities of the evaluative interpretation of a fact in a media text. *Media Linguistics*, 2: *Rechevaia kommunikatsiia v sredstvakh massovoi informatsii*, 183–185. (In Russian)
- Shvedova, N. Iu. (1966). *Active processes in modern Russian syntax (word combination)*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Shvedova, N. Iu. (Ed.). (1970). *Grammar of the modern Russian literary language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language. Grammar teaching about the word*. Moscow: Uchpedgiz Publ. (In Russian)

- Vinogradov, V.V., Istrina, E. S., Barkhudarov, S. G. (Eds). (1952). *Russian Grammar. Vol. I. Phonetics and morphology*. Moscow. AN SSSR Publ. (In Russian)
- Vygotskii, L. S. (1982). Thinking and speaking. In: *Collected works: In 6 vols. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika Publ. (in Russian)
- Zemtsov, I. (1985). *Soviet political language*. London: OPI Publ. (In Russian)

Received: May 7, 2021
Accepted: August 26, 2021

Author's information:

Boris Iu. Norman — Dr. Sci. in Philology, Professor; boris.norman@gmail.com